

Central Asia Monitor

Арии, Авеста, Заратуштра, казахский султан и возраст Астаны

Страна готовится отметить 20-ю годовщину столицы – Астаны. Хороший повод вспомнить те исторические фигуры, которые стояли у истоков города, и попытаться определить истинный возраст современного мегаполиса, в который он сейчас превратился.

Зарождение Акмолы

...После вхождения казахских земель в состав России царское правительство стало привлекать к службе в органах власти представителей местной знати. Из их среды вышло немало просвещенных чиновников, офицеров, ученых и деятелей культуры, оставивших заметный след в нашей истории.

Один из них - старший султан Акмолинского округа полковник Коныр-Кулжа Кудаймендин из старшей династии казахских ханов по линии Жадик-султана и его сына Шигай-хана (1580-1582 гг.). Родился он в семье султана Кудайменде, одного их отпрысков знаменитого хана Ер-Есима, управлял поколениями алтай и карпык племени аргын, пользовался авторитетом и уважением у сородичей, снискал доверие царских властей.

22 июня 1822-го царское правительство разработало первый в истории казахов после принятия российского подданства законодательный акт - «Устав о сибирских киргизах». Согласно ему, в Среднем жузе упразднялась ханская власть и учреждались внешние округа во главе со старшими султанами. В апреле 1824-го был создан первый округ – Каркаралинский, старшим султаном избрали Турсуна Чингисова, внука хана Абылая. В августе 1824-го учредили Кокчетавский округ во главе с Губайдуллой Валихановым, тоже потомком Абылая и его старшего сына Уали (Вали). В 1831-м был создан третий - Аягузский окружной приказ.

Султаны Кудаймендины тоже обратились к пограничным властям с просьбой об открытии аналогичного приказа в своих владениях, рассчитывая возглавить его. Летом 1830-го к ним прибыл комендант Петропавловского гарнизона подполковник Шубин с целью поиска места для центра нового округа. И именно Коныр-Кулжа Кудаймендин подсказал незнакомому с местной топографией русскому офицеру, где лучше его основать – в междуречье Нуры и Есиля, при урочище Ак-мола, у брода Кара-откель, в самом центре кочевий Среднего жуза.

19 мая 1832-го генерал-губернатор Западной Сибири Вельяминов приказал открыть в «киргизской степи четвертый внешний округ под названием Акмолинского в Кувандыковских и Карпыковских волостях, где пребывает фамилия султана Кунур Кулджи Худаймендина при реке Ишиме, на урочище Карауткуле...». А 22 августа того же года Коныр-Кулжа Кудаймендин при громадном стечении народа был избран старшим султаном Акмолинского окружного приказа с годовым

окладом 342 руб. 85 коп. серебром. Он преданно служил властям, и, учитывая особые заслуги семейства Кудаймендиных перед правительством, император Николай I пригласил его для высочайшей аудиенции в Санкт-Петербург.

Это была первая в истории официальная делегация казахского народа в столицу Российской империи. 1 апреля 1834-го Коныр-Кулжа Кудаймендин «имел счастье представляться Его Величеству Государю Императору Николаю I». Ему был выдан специальный лист о том, что «сибирские киргизы были и будут навсегда свободны от рекрутства», с рекомендацией народу заняться «прилежнее» земледелием и селиться «по своей доброй воле в селениях и городах». Ни до него, ни после ни один казахский хан или султан не добивался от царского правительства таких льгот для народа.

Коныр-Кулжа Кудаймендин занимал пост старшего султана Акмолинского округа в 1832-1842 годах. Он сделал немало для защиты интересов рядовых кочевников, перехода к оседлости и мирного развития народа в колониальную эпоху. При изучении биографий таких персонажей необходим всесторонний учет исторических, психологических и социокультурных факторов, оказавших влияние на государственную и политическую практику султана-чингизида.

Еще раз подчеркнем, что именно Коныр-Кулжа Кудаймендин выбрал место для основания Акмолинского укрепления как наиболее удачное в географическом отношении, в самом центре Казахской степи, а теперь и всей Евразии. Именно в этих местах пролегал древний караванный путь из Западной Сибири в Южный Казахстан и Среднюю Азию. Междуречье Есиля-Нуры было заселено с ранних пор, археологи нашли здесь следы старинных городищ, оросительных сооружений и караван-сараяв.

Регион находился на стыке Ак Орды и Кок Орды – двух крыльев владений родоначальника казахских ханов Джучи. Ставка вождя кочевых узбеков Абу-л-Хайр-хана «Орда-базар», которую средневековые авторы называли «столицей Дешт-и-Кыпчака», по всей видимости, располагалась в этих местах. В междуречье Есиля-Нуры находились летние кочевья хана Аз-Тауке, располагались ставки-убежища других казахских ханов, султанов и родоправителей.

Поэтому, если говорить о дне сегодняшнем, вполне закономерен перенос столицы из южного Алматы в междуречье Есиля-Нуры, в Акмолу как в политический центр Восточного Дешт-и-Кыпчака, Улуса Джучи, а затем и Казахского ханства.

Сколько лет городам?

Хотелось бы также изложить авторскую гипотезу об историческом возрасте Астаны. Ее обоснование требует сугубо научного подхода, скрупулезного изучения историогенеза города на основании данных

«большой истории» (big history), ее разделения на макро- и микро- время, анализа на уровне периодов, эпох и эр, своеобразного взгляда на Астану из исторического космоса.

Еще с царских, а затем и советских времен считалось, что возраст нового города должен исчисляться с момента основания его именно русскими до и после вхождения Казахстана в состав России. Поэтому сложилась крайне субъективная традиция, согласно которой история, например, Уральска начинается с 1613-го, Атырау с 1640-го, Омска с 1716-го, Семипалатинска с 1718-го, Кокшетау и Каркаралинска с 1824-го, Акмолинска с 1830-го и т.д. При этом не учитывалось, что до прихода в край русских здесь давно существовали оседлые поселения местных казахов и их предков.

Известно, что кочевая система (мир) развивалась в соответствии со своими вековыми циклами и тысячелетними трендами, которые включали оседлую и кочевую культуру, земледелие и скотоводство, горное дело и металлургию, в тесной связи с окружающей средой, природно-климатическими, экологическими, демографическими и другими социокультурными факторами.

Для кочевников был характерен расцвет городской культуры в эпоху раннего средневековья и ее упадок в позднее время. Так, если в государстве кимаков в IX-XI вв. насчитывалось 16 городов, то в эпоху Казахского ханства - более 30 крупных городов, а также десятки и сотни городищ и населенных пунктов, что свидетельствовало о достаточно высоком уровне оседло-земледельческой культуры в XV-XVIII вв.

Например, на месте Верного издавна находился город Алматы, о котором упоминали все средневековые летописи. Однако отсчет возраста нашей сегодняшней южной столицы всегда начинали с 1854-го, когда отряд майора Перемышльского заложил здесь первое в Заилийском крае русское поселение. Поэтому вполне справедливо, что уже после обретения независимости по рекомендации ученых власти исправили ошибку и установили исторический возраст Алматы в 1000 лет.

Подобное имело место не только в Казахстане, но и в самой России. Например, на месте города Уфы, заложенного русскими в районе слияния рек Белой и Камы в 1574-м, ранее находилось старинное поселение Тура-тау. Однако летоисчисление столицы Башкирии до сих пор начинается именно с прихода русских. Или, скажем, возраст города Тюмень исчисляется с 1586-го, хотя на этом месте ранее несколько веков существовал крупный город с тюркским названием Чимги-Тура («Жангы-тура» по-казахски) – столица сибирских шейбанидов. На месте Оренбурга до 1743-го находилось поселение ногайского князя Басмана и т.д. Все это свидетельствовало о господстве евроцентристского мировоззрения в российской и советской

исторической науке. Впрочем, это характерно для всех европейцев-колонизаторов в Африке, Азии и Америке.

На мой взгляд, при определении возраста любого населенного пункта необходимо придерживаться основополагающего научного принципа историзма, который требует показывать диалектику и глубину реальных исторических процессов. В этой связи необходимо рассматривать хронологию появления городов и населенных пунктов на территории Казахстана не с момента их основания в период Российской империи или Советского Союза, а с самого начального этапа возникновения на этом месте первичных форм организованной социальной жизни на уровне рода, племени или народа. Пусть даже если жизнь города или поселения по каким-либо причинам (природным или рукотворным) прерывалась и снова возрождалась.

Историзм предполагает изучение городов и населенных пунктов как подвижной, динамичной, подверженной различным катаклизмам социальной реальности во времени и пространстве. Забвение же этого принципа приводит к надуманным и схоластическим дискуссиям о том, сколько лет Алматы, Акмоле, Атырау, Павлодару, Петропавловску, Семипалатинску, Уральску, Усть-Каменогорску и другим городам.

Вклад в цивилизацию

Вернемся к Акмоле. Как уже говорилось, основана она царской администрацией в 1830-м как центр одноименного приказа. Но это не означает, что пришлые русские люди, как и советские целинники, были первопроходцами в благодатном крае междуречья Тобола и Иртыша, Есиля и Нуры, на пространстве древней Сары-Арки.

Тысячелетиями регион являлся колыбелью андроновцев-европеоидов, индоиранских племен ариев, туров, хьона, даха, упоминаемых в «Авесте», тюркоязычных народов. Так, на пространстве между Уралом и Иртышом, на стыке лесостепи и Великого пояса степей Евразии археологами в 1970-1980-х годах была обнаружена большая группа городов, относящихся к периоду от энеолита (IV-II тыс. до н.э.) до позднесакского времени (IV- II вв. до н.э.).

Наиболее известные из них – поселения энеолитической эпохи Ботай в Акмолинской области, бронзового века Синташ и Аркаим в Челябинской области РФ и позднесакского времени Актау в Северном Приишимье. Всего же в регионе Южного Приуралья и Северного Казахстана найдено свыше 20 поселений эпохи средней бронзы (4000-3700 лет назад). Они – ровесники городских центров Египта и Месопотамии, на 2 тыс. лет старше городов Ассирии и Урарту, Бактрии и Согдианы. Их открытие сродни мировой научной сенсации, оно внесло серьезные коррективы в науку о древнейшем периоде евразийских степей и их автохтонных насельниках. Именно на Ботае и Аркаиме можно найти прародину

европейцев, которую ученые безуспешно ищут в Северной, Южной и Центральной Европе, Подунавье, Месопотамии и даже на Иранском нагорье.

Только в Центральном Казахстане насчитывалось около 50 крупных поселений. Их жители совершили технологическую революцию в древней металлургии, о чем свидетельствуют памятники бегазы-дандыбаевской культуры поздней бронзы (X-VIII вв. до н.э.). А еще раньше аборигены-ботайцы, продемонстрировав чудеса человеческой адаптации к суровым природным условиям, добились впечатляющих успехов в доместикации диких злаковых культур и диких лошадей, изобрели повозку и лук, возможно, юрту и стремена. Это привело к переходу от пешей коммуникации к конно-транспортной, ускоренной колонизации обширных территорий Евразии, оседлое население которых впервые столкнулось с инновационной конно-стрелковой стратегией и тактикой кочевников-ариев.

По данным палеоантропологии, население бронзового века относилось к индоиранской языковой и культурной общности, представленной протоевропеоидной расой без примеси монголоидных элементов. Ботайцы, по всей видимости, были рослыми и светловолосыми блондинами, возможно, финно-угорского происхождения. В то же время в могильниках Ботай, по словам его первооткрывателя профессора КазНУ В.Зайберта, найдены останки различных антропологических типов – протоиндоевропейского, средиземноморского, монголоидного и даже экваториального. Это доказывает, что высокоразвитая ботайская культура привлекала мигрантов со всего света.

Ядром комплексного хозяйства ботайцев было коневодство, в степях обитали миллионы диких лошадей. Раскопки Ботая показывают, что лошадь была одомашнена впервые на планете именно ботайцами 6-7 тыс. лет назад, и они же первыми освоили искусство верховой езды. Следует подчеркнуть, что ботайцы создали эффективное производящее хозяйство, поэтому их повседневная жизнь была далека от балансирования на грани выживания, как у бродячих племен охотников и рыболовов.

Палеозоологами подсчитано, что они за период существования поселения (300-400 лет) съели примерно 365 тыс. голов скота, в основном лошадей. То есть, ежегодно употребляли в пищу примерно 1000 голов, или по три в день. Это при том, что самих ботайцев насчитывалось всего 20-30 тыс. человек. Конина и кумыс были у них основной едой. Видимо, они изобрели «соғым» и конскую колбасу – «қазы».

Пассионарные ботайцы положили начало формированию степной цивилизации, которая дала древней ойкумене принципиально иную

систему коммуникации – лошадь, колесо, повозку и боевую колесницу. С тех пор и вплоть до середины XIX века, до изобретения парового двигателя, именно лошадь, впервые прирученная ботайцами, играла основную роль в исторической эволюции всех кочевых народов Евразии, от Маньчжурии и Монголии до Южной Европы и Северной Африки.

Возраст Астаны

В постботайскую (арийскую) эру в степях к востоку от реки Ра (современной Волги) начал читать свои проповеди на авестийском языке первый посланник Бога человеку Спитаид Заратуштра. Это имя на древнеиранском языке означает «обладающий старым верблюдом», т.е. он - природный кочевник-ариец. Согласно легендам, Заратуштра был единственным в мире ребенком, который рассмеялся, когда появился на свет. Его родиной считается страна Арианам-Вайджа («родина ариев») – в широком смысле Средняя Азия и Восточный Иран, включая просторы Казахской степи. Встречающиеся в «Авесте» географические названия идентифицируются с реками Уралом, Эмбой, Сырдарьей и Амударьей, Каспийским и Аральским морями, озером Балхаш. Ориентировочное время жизни Заратуштры – конец II-начало I тыс. до н.э. Казахи называют его «Жаратушы» - т.е. «Создатель».

Заратуштра стал основоположником первой мировой религии – зороастризма. Ее главная этическая триада: «хумата, хухта, хваршта» - благая мысль, благое дело, благие поступки. Они противопоставлялись другой триаде: «дужмата, дужухта, дужваршта» – злые помыслы, злые речи, злые дела. Они актуальны и сегодня, спустя три тысячелетия, как мудрые назидания верховного божества зороастризма Ахура-Мазды.

Преемниками древних ариев-кочевников, которые из-за изменения климата и засухи в 1400 г. до н.э. ушли на юг и восток, за Гиндукуш и Гималаи, в Индию и Иран, стали кочевники раннежелезного века саки-скифы, называемые в священной книге зороастрийцев «Авесте» турами. Это такие племена, как тиграхауда, парадарайя, хаомоварга, исседоны, массагеты, дахи/даи, которых отдельные ученые считают монголоидными предшественниками гуннов, тюрок, печенегов/кангаров и других. Они были выходцами из Западной Сибири, а именно с Алтая. Позже их вытеснили родственные им сарматы, которых в свою очередь покорили гунны-прототюрки. А после ухода гуннов на запад в период Великого переселения народов степные просторы Казахстана стремительно заселили многочисленные племена Западно-Тюркского и Тюргешского каганатов.

Затем в регионе наступила эпоха правления племен кимако-кумано-кыпчакской конфедерации, безраздельно господствовавших в Западном и Восточном Дешт-и-Кыпчаке до монгольского нашествия в XIII в.

Вместе с монгольскими ордами Чингиз-кагана из Центральной Азии пришли тюркоязычные аргыны, барласы, буркуты, жалаиры, карлуки, керейты, конраты, кушчи, мангыты, найманы, уйгуры, уйсун и другие, составившие вместе с кыпчаками этническое ядро кочевых узбеков, узбек-казахов, казахов, ногайцев, каракалпаков, башкир, других тюркоязычных народов.

Поэтому в антропологическом отношении современные казахи входят в число народов уже неарийского, а смешанного монголоидно-европеоидного происхождения, представляют настоящую мозаику из различных этнических групп. В то же время северные казахи как потомки индоариев-ботайцев больше тяготеют к представителям европеоидных групп, так как в их внешнем облике до сих пор имеется заметная доля арийского европеоидного компонента.

Самый ранний этап формирования казахского народа как автохтонного, первоначально истинно индоарийского этноса относится к эпохе энеолита и бронзы (4 тыс. лет назад). Процесс его сложения происходил под воздействием тысячелетнего и плодотворного дуэта природы и общества, города и степи, земледельцев и кочевников, финно-угров, ариев, туров и тюрков, европеоидов и монголоидов, материальной и духовной культур разноразличных племен, народов и этносов. А государственность на территории Казахстана начала формироваться три тысячи лет назад в эпоху железного века местными сако-скифскими племенами. Всего насчитывается около 20 таких государственных образований. Подтверждение тому – «золотой человек» из кургана Иссык, аналогичные находки в Восточном и Западном Казахстане. Новое название народа «казах» окончательно закрепилось за ним в силу различных этнополитических причин лишь в XVI веке.

Все эти тысячелетние и вековые инфильтрации и миграции оседлых и кочевых племен и народов сопровождалось возведением стационарных поселений и временных фортификационных сооружений: замков, дворцов, ставков, военных лагерей, крепостей, укреплений, городков и мощных городов военной аристократии кочевников.

Самыми известными племенами региона в эпоху раннего средневековья были прямые предки казахов в домонгольский период – восточные кыпчаки. Известный памятник той эпохи – городище Бозок, открытое в конце 1990-х годов выдающимся археологом К.Акишевым. Бозок на протяжении VIII-XII вв. являлся ставкой местного кыпчакского вождя. Ныне городище находится практически в черте Астаны. Поэтому будет справедливым установить исторический возраст столицы в 1250 лет.

Данных археологии, этнологии, лингвистики, топонимики, исторической географии, политической и экономической антропологии

индоиранских (арийских) и древнетюркских племен, других исторических аргументов для такого вывода вполне достаточно.

Автор: Мурат АБДИРОВ